

Всеволод Сергеевич Соловьев

Монах поневоле (Старые были)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0008
III.....	.0013
IV.....	.0021
V.....	.0030
VI.....	.0035
VII.....	.0044
VIII.....	.0050
IX.....	.0054
X.....	.0062

**Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
МОНАХЪ ПОНЕВОЛ**

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II однимъ изъ любимѣйшихъ пріютовъ богатой петербургской молодежи былъ трактиръ «Очаковъ». Да и не одну только молодежь манилъ къ себѣ пріютъ этотъ: здѣсь можно было встрѣтить очень часто и людей почтенныхъ и почтеннаго ранга. Многіе были рады вырваться изъ домашней прискучившей обстановки и, словно по мановенію волшебнаго жезла, перенестись на нѣсколько часовъ въ преддверіе Магометова рая. А что трактиръ «Очаковъ» былъ именно «преддверіемъ Магометова рая», въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Отворивъ извнѣ ничѣмъ незамѣчательную и даже грязноватую дверь и взобравшись по плохо освѣщенной лѣстницѣ, посѣтитель былъ встрѣчаемъ дюжиной длиннобородыхъ молодцовъ въ яркихъ восточныхъ костюмахъ и съ чалмами на головахъ.

Молодцы эти, хоть и на чистомъ русскомъ языкѣ тверского произношенія, но все-же съ глубочайшими восточными поклонами

спѣшили снять съ гостя верхнее платье, распахивали передъ нимъ двери, и онъ вступалъ въ таинственный полусвѣтъ кіоска, озареннаго матовыми, полосатыми фонариками. За кіоскомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ тоже болѣе или менѣе «турецкихъ», только уже ярко освѣщенныхъ комнатъ, уставленныхъ низкими и мягкими софами и диванами.

По стѣнамъ, для пущей вѣрности колорита, были намалеваны мечети и минареты, а не то такъ семейныя сцены въ видѣ чалмоноснаго турка, важно сидящаго съ кальяномъ, скрестивъ ноги, пускающаго кольца ярко голубого дыма, и съ прильнувшей къ нему обольстительной турчанкой въ перинообразныхъ шальварахъ и въ крошечныхъ туфелькахъ съ загнутыми носками.

За исключеніемъ раннихъ утреннихъ часовъ «турецкія» комнаты были всегда биткомъ набиты посѣтителеми. Тверскіе турки едва поспѣвали исполнять требованія нетерпѣливыхъ и взыскательныхъ гостей, то и дѣло шмыгали по истертымъ коврамъ, разнося кушанья и вина. И чѣмъ позднѣе былъ часъ, тѣмъ «Очаковъ» становился

оживленнѣе. Въ дальнихъ комнатахъ раскрывались столы, начиналась модная игра макао и гаммонъ, поднимались иногда крики и ссоры довольно крупныхъ размѣровъ.

А въ потаенномъ, таинственномъ отдѣленіи, куда допускался далеко не всякій, раздавались звуки клавикордъ и арфы, раздавались трели женскихъ голосовъ, и, слышавъ ихъ, избранники бросали карты и споры и спѣшили изъ «преддверія рая» въ самый «рай», въ общество гурій.

Но кромѣ винъ и картъ, кромѣ таинственныхъ гурій, играющихъ на клавикордахъ и арфѣ, въ «Очаковѣ» была еще одна диковинка и приманка, «настоящій турка, изъ настоящаго Очакова», какъ его рекомендовали тверскіе турки. Этотъ «турка» время отъ времени торжественнымъ и мѣрнымъ шагомъ расхаживалъ по комнатамъ, и когда онъ проходилъ, головы всѣхъ обращались къ нему, почти всѣ глаза слѣдили за нимъ съ любопытствомъ.

Люди солидные и въ особенности провинціалы, наѣзжавшіе въ Петербургъ по дѣламъ и считавшіе необходимою осмотрѣть на ряду съ Кунсткамерой и

Академіей Художествъ и «Очаковъ», относились къ «туркѣ» не совсѣмъ благосклонно, даже отплевывались. Но привычные посятители, главнымъ образомъ, молодые военные и штатскіе люди, подзывали «турку», угощали его, заводили съ нимъ бесѣду.

Турка отъ угощенья всегда отказывался, бесѣду-же поддерживалъ охотно: онъ садился на мягкій диванъ, поджималъ подъ себя ноги и начиналъ говорить по турецки. Поднимался хохоть и кончалось всегда тѣмъ, что и турка, и его собесѣдники устанавливали между собою выразительный языкъ тѣлодвиженій и всевозможныхъ гримасъ, на которомъ отлично понимали другъ друга.

Въ морозный и вѣтряный зимній вечеръ изъ вощичьи сани подѣхали къ «Очакову». Изъ нихъ вышелъ высокій мужчина, закутанный въ шубу и вдобавокъ съ длинной муфтой въ рукахъ. Взобравшись по лѣстницѣ и отворивъ дверь въ теплыя сѣни, онъ сбросилъ шубу на руки первому подбѣжавшему къ нему турку и сталъ оправляться передъ трюмо, оставленнымъ очень жидкими и чахлыми, но все-же тропическими растеніями.

Трюмо отразило молодцеватую, красивую фигуру, одѣтую довольно тщателью и богато, но все-же не по послѣдней петербургской модѣ.

Молодой человекъ не успѣлъ еще поправить прическу и вытереть тонкимъ надушеннымъ платкомъ свое мокрое отъ снѣгу лицо, какъ къ нему, съ низкими поклонами, подошелъ бородатый тверской турокъ.

— Батюшка, Петръ Григорьевичъ, вы-ли это?! — радостно осклабясь, заговорилъ турокъ. — А я было и не призналъ... давненько, сударь, къ намъ не жаловали!..

Молодой человекъ обернулся.

— А! это ты, Сидоръ, — сказалъ онъ: узналъ, помнишь?..

— Васъ-то, сударь, да и не помнить!.. такихъ господъ, да чтобы забыть!.. Въ добромъ ли все здоровьи?.. чай, вѣдь, годика два, а то и поболье, какъ изъ Питера...

Турокъ поймалъ и громко чмокнулъ руку молодого человека и быстро началъ оправлять фалды его камзола.

— Ну, хорошо, хорошо, довольно!.. А вотъ скажи ты мнѣ, господинъ Алабинъ здѣсь, или нѣтъ его?

— Какъ-же, сударь, здѣсь они, часа съ два времени, какъ здѣсь!..

— Ну, такъ веди.

Турокъ кинулся отпирать двери кіоска и проводилъ молодого человека въ одну изъ дальнихъ комнатъ, гдѣ сидѣла за игрою веселая компанія молодежи.

— Елецкій! онъ, онъ!.. вотъ такъ нежданно! — раздались привѣтствія.

Почти всѣ игроки, побросавъ карты, встали навстрѣчу новопривывшему. Онъ быстро отвѣтилъ на дружескія рукопожатія и черезъ

мгновеніе крѣпко обнималъ и цѣловалъ тако-го-же молодого и красиваго, какъ и онъ самъ, Алабина.

— Какъ-же это ты? — смущенно и радостно говорилъ тотъ:— цѣлую недѣлю я ждалъ тебя по письму твоему и ужъ не чаялъ тебя видѣть. Когда пріѣхалъ? И надѣюсь, прямо ко мнѣ? У меня остановился?

— А то гдѣ-же?! Въ полдень мы вѣхали въ сію Пальмиру, ну, да я немного замѣшкался... долженъ былъ тутъ проводить своихъ попутчицъ, такъ къ тебѣ попалъ часу въ третьемъ. А тебя и нѣту — вылетѣла пташка изъ клѣтки! Твой Ефимъ накормилъ да напоилъ меня съ дороги, ждалъ я ждалъ, выспался даже, а все тебя нѣту. Я Ефима спрашиваю: куда это, молъ, баринъ дѣлся? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Доподлинно сіе неизвѣстно, а надо быть въ „Очаковѣ“ они». Тутъ и я на себя диву дался, что дорогой память отшибло — и съ Ефимомъ нечего было совѣтовать — гдѣ же тебя сыщешь, коли не въ «Очаковѣ»! Вотъ и пріѣхалъ. Да покажись, Андрюша, легко ли! — поболѣе двухъ съ половиною лѣтъ не видались... и никакой-то въ тебѣ перемѣны!.. толь-

ко это что-же? гвардіи офицеръ, а въ штатскомъ платьѣ! Неужто отставку взялъ? Вѣдь, ты мнѣ о томъ въ письмахъ ни слова.

— Зачѣмъ отставку, — отвѣтилъ Алабинъ: — а такъ свободнѣе. У насъ нынѣ и генералы, и офицеры зачастую мундиры только на службу и надѣваютъ. Съ насъ за это никакого взыску нѣтъ. Однако, что-же это мы!.. Эй, турки! — крикнулъ Алабинъ: — шипучаго, скорѣе! Выпить надо ради друга потеряннаго и вновь обрѣтеннаго!

— Еще бы! — разомъ отозвались нѣкоторые изъ присутствовавшихъ.

— Вѣдь, ты опять къ намъ, Елецкій, на службу? Давно пора деревню-то бросать. Здѣсь у насъ нонѣ жизнь вольная, еще вольнѣе прежняго. А мы и доселѣ твои шутки вспоминаемъ. Всѣ наши Гебы и Афродиты по тебѣ стосковались и уже въ поминанья записали «удалого Петрушу»: порѣшили, что не вернешься... запаль совсѣмъ...

— Э, други, не тотъ ужъ я сталъ что-то: словно, какъ во снѣ та жизнь была, не влекутъ больше тѣ забавы...

— Ну, ты тамбовскимъ тетушкамъ сіи сказ-

ки сказывай, а насъ не проведешь ими! — засмѣялись пріятели:- мы тебя разомъ отъ меланхоліи вылечимъ — и къ Ерофеичу [1] нечего будетъ навѣдываться, безъ его травъ обойдемся...

Вино было принесено; Елецкій познакомился съ тѣми изъ компаніи, кого еще не зналъ. Разстроенная игра снова началась. Вечеръ проходилъ незамѣтно. Но около полуночи Елецкій объявилъ Алабину, что съ дороги чувствуетъ себя нѣсколько уставшимъ.

— А и то, — сказалъ Алабинъ:- играть я больше не буду, поѣдемъ домой да потолкуемъ.

Пріятели хотѣли ихъ удержать, соблазняя гуріями и клавикордами, но они настояли на своемъ и уѣхали.

Алабинъ съ Елецкимъ были въ родствѣ, — приходились троюродными, — и дѣтство провели вмѣстѣ въ Тамбовской губерніи, гдѣ родовыя имѣнія ихъ отцовъ находились межа съ межою. И у того и у другого было хорошее состояніе и кой-какія связи въ Петербургѣ. Ихъ отцы еще до рожденія сыновей получили на нихъ полковыя свидѣтельства, такъ что Алабинъ и Елецкій, не появившись еще на свѣтъ Божій, числились уже въ Преображенскомъ полку солдатами. Будучи еще дѣтьми и не выѣзжая изъ отцовскихъ вотчинъ, они дослужились до сержантскаго чина, а потомъ, когда совсѣмъ подросли и отцы привезли ихъ въ Петербургъ, они явились въ Преображенскій полкъ уже офицерами.

Юноши, плохо обученные и воспитанные, привыкшіе въ деревнѣ только къ охотѣ да къ подобострастному подчиненію своихъ подданныхъ, въ Петербургѣ они очутились среди совсѣмъ новой жизни, о которой до сихъ поръ не имѣли никакого понятія. У родителей ихъ была возможность выдавать имъ очень

значительное содержаніе и они не скупилась на это, такъ какъ вліятельные петербургскіе друзья и родичи убѣдили ихъ, что молодой гвардейскій офицеръ долженъ непременно жить хорошо и много тратитъ для того, чтобы сдѣлать блестящую карьеру. Такимъ образомъ Алабинъ и Елецкій попали въ кружокъ модныхъ петиметровъ и совсѣмъ завертѣлись въ омутъ столичной жизни.

Все общество послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины утопало въ роскоши; прежняя простота и дешевизна жизни совсѣмъ позабылись. Торговцы и магазинщики то и дѣло надбавляли цѣны на свои товары. Серебро въ громадномъ количествѣ передѣлывалось на сервизы, такъ какъ становилось неприличнымъ ѣсть иначе какъ на серебря.

Моды мѣнялись чуть-ли не ежемѣсячно. Отъ порядочнаго человѣка требовалась прежде всего изящная внѣшность, прическа и одежда, и бѣднѣйшій изъ гвардейскихъ офицеровъ считалъ своей обязанностью дѣлать себѣ въ годъ по нѣскольку мундировъ, а мундиръ тогда обходился не менѣе 120 рублей.

Гвардейскіе офицеры все болѣе и болѣе отучались отъ какихъ бы то ни было обязанностей и совсѣмъ забывали, что они находятся на дѣйствительной службѣ. Да и что это была за служба! Караульныхъ офицеровъ иногда можно было встрѣтить спокойно разгуливавшихъ и собиравшихъ грибы подомашнему, то-есть, въ халатахъ. Извѣстны случаи, когда залѣнившійся и закутившій офицеръ отправлялъ вмѣсто себя на службу свою жену. Жена надѣвала мужнинъ мундиръ и являлась офицеромъ.

Кутежи и всякіе дебоши петербургской молодежи принимали громадныя размѣры. Ежедневно въ городѣ рассказывали о самыхъ разнообразныхъ скандалахъ: о выбитыхъ окнахъ, до полусмерти напуганныхъ офицерами купчихахъ, въ дребезги разнесенныхъ трактирахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, похищенныхъ дѣвушкахъ и такъ далѣе.

Всѣ эти рассказы о гвардейскихъ безчинствахъ, иногда, конечно, еще болѣе разукрашенные воображеніемъ передававшихъ ихъ, доносились въ гатчинскую тишину. Великій

князь Павелъ Петровичъ выслушивалъ ихъ съ презрительной усмѣшкой, то пожимая плечами, то мрачно нахмуривъ брови, и часто говаривалъ своимъ приближеннымъ:

— Смотрите, не отдавайте своихъ дѣтей въ гвардію, если не хотите, чтобы они совсѣмъ развратились... при себѣ держите, не пускайте въ Петербургъ, тамъ зараза.

Алабинъ и Елецкій до излишества вкусили отъ чаши петербургскихъ наслажденій. Ихъ имена часто встрѣчались въ исторіи самыхъ крупныхъ скандаловъ. Многія ихъ безцеремонныя и грязныя выходки, считавшіяся тогда только молодецкими, сдѣлали имъ репутацію. Въ порядочныхъ и скромныхъ семействахъ ихъ какъ огня боялись.

Но Елецкому скоро пришлось разстаться съ вольной столичной жизнью; онъ получилъ извѣстіе изъ деревни о смерти своего отца, и ради устройства дѣлъ своихъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга.

Прощался онъ съ товарищами и знакомыми не надолго, а пропалъ почти на три года. Что съ нимъ было за это время, гдѣ онъ скрывался — никто того не зналъ. Алабинъ полу-

чалъ отъ него рѣдкія письма, то изъ деревни, то изъ разныхъ городовъ Южной Россіи.

Но вотъ онъ вернулся, и хорошо знавшіе его товарищи, проведеншіе съ нимъ нѣсколько часовъ въ «Очаковѣ», а тѣмъ болѣе Алабинъ, были поражены происшедшей въ немъ переменной.

Объ этой-то переменной спѣшилъ съ нимъ поговорить. Алабинъ. И только что вернулись они домой, онъ завелъ разговоръ на эту тему.

— Скажи-ка, братецъ, что это нонѣ съ тобой — хмурый ты сталъ какой-то. Кабы горе большое было, али дѣла шли плохо, я бы про то былъ извѣстенъ. Батюшка мнѣ еще недавно отписывалъ, что у тебя въ вотчинахъ все обстоитъ наиблагополучнѣйшимъ образомъ. Что-же это съ тобой, расскажи на милость. Коли не ладно что, такъ ты посовѣтуй со старымъ другомъ.

Елецкій медленно поднялъ на Алабина свои черные, красивые, хотя нѣсколько воспаленные глаза; грустная усмѣшка шевельнула его губы и онъ покачалъ головою.

— Что это тебѣ такъ почудилось, брате-

ць, — сказалъ онъ. — Я все тотъ-же, а видно и взаправду усталъ съ дороги, такъ и кажусь тебѣ хмурымъ.

Но Алабинъ ясно видѣлъ, что тутъ вовсе не усталость, и что другъ отъ него нѣчто скрываетъ. Вдругъ новая мысль мелькнула въ головѣ его.

— Да! а про какихъ это попутчицъ ты сказывалъ? Кто такія?

У Елецкаго при этихъ словахъ опять въ лицѣ что-то дрогнуло.

— А это я въ Москвѣ, у Синявиныхъ въ домѣ познакомился съ Промзиной старухой, да съ дочкой ея, Вѣрой Андреевной... онѣ тульскія, можетъ, слыхаль, люди богатые. Самъ Промзинъ бригадиръ въ отставкѣ, безъ ногъ теперь почти, живетъ въ деревнѣ безвыѣздно. Всего у нихъ дѣтей двѣ дочери, старшую года съ два тому замужъ выдали, осталась на рукахъ младшая, лѣтъ ей ужъ девятнадцать никакъ, такъ вотъ ее старуха-то и привезла въ Петербургъ; жениховъ искать пора, вишь, а въ деревнѣ видно подходящихъ не нашлось. Ну, съ ними мы изъ Москвы вмѣстѣ и ѣхали. Старуха просила меня не

оставлять ихъ однѣхъ въ дорогѣ: трусить, всюду ей разбойники чудятся.

Алабинъ усмѣхнулся.

— Вижу, что старуха сія тебѣ не больно по нраву, и, стало, не въ ней дѣло. А вотъ, братецъ, не будетъ ли вашей милости рассказать подробнѣйшимъ образомъ о дѣвицѣ, какова оная дѣвица изъ себя, какъ она вамъ показалась — заранѣе знаю, что хороша!..

И онъ опять засмѣялся.

Алабинъ покраснѣлъ и даже не особенно дружелюбно взглянулъ на «братца».

— Смѣяться нечего, — проговорилъ онъ. — Дѣвица Промзина не такова, чтобы надъ нею смѣяться. Такихъ вы, можетъ, и во снѣ-то въ Петербургѣ не видывали, отмѣнная красота! Какъ взглянулъ я впервой на нее, и руки опустились: ужъ и гдѣ-же такая красота уродилась?! Отца не знаю, да и Богъ съ нимъ, а мать ровно бочка сороковая, врядъ ли и въ молодости было въ ней что путное. А Вѣра Андреевна... Эхъ, что тутъ рассказывать, словъ нѣту, нужно ее видѣть!

Алабинъ ужъ не смѣялся. Онъ подошелъ къ пріятелю и положилъ ему на плечи руки.

— Вотъ и разгадка. Теперь во мнѣ нѣтъ уже никакого сумнительства, вижу, стрѣла Амура пронзила твое сердце. Ну, это еще не велико горе, ему помочь можно. Какова ни была бы сія Вѣра Андреевна, не устоитъ она передъ моимъ милымъ братцемъ, какъ разъ сдастся. Тому не мало примѣровъ было, мы, вѣдь, не забыли вашихъ проказъ амурныхъ... И вѣчно-то съ благородными дѣвицами вяжется... чужихъ невѣсть портить... охота!.. А, вѣдь, я было испугался, думалъ, что поважнѣе! такого-же горя хоть еще подавай столько же, справимся!..

— Не такъ-то легко справишься! — страннымъ, какимъ-то загадочнымъ тономъ проговорилъ Елецкій.

Онъ замолчалъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ Ефимъ давно уже приготовилъ ему постель.

IV

Елецкій имѣлъ двстаточное основаніе быть недовольнымъ старухой Промзиной. Познакомясь съ нимъ въ Москвѣ и узнавъ, что онъ собирается въ Петербургъ, она воспользовалась этимъ случаемъ, заставила его отложить поѣздку до того дня, когда ей самой вздумалось выѣхать. Во всю дорогу распоряжалась имъ какъ своею собственностью, замучила его капризами непривыкшей къ передвиженію и какой-либо дѣятельности, разбалованной, лѣнивой и тучной женщины; дозволила ему, по пріѣздѣ въ Петербургъ, проводить ихъ на заранѣ нанятую ими квартиру въ Измайловскомъ полку и тутъ-же, не давъ ему вздохнуть, навязала ему нѣсколько неинтересныхъ порученій. Онъ долженъ былъ, не переодѣвшись съ дороги, обѣгать чуть ли не всѣ лавки Гостиного двора. Онъ возвратился нагруженный всякими покупками и въ благодарность услышалъ только:

— Ну, теперь я васъ не задерживаю, чай устали, а вотъ денька черезъ три-четыре, какъ мы тутъ управимся да оглядимся,

навѣстите насъ.

Денька черезъ три, четыре! Такъ и сказала. Слѣдовательно, явиться раньше было невозможно. А между тѣмъ Елецкому эти три дня (четвертаго онъ совсѣмъ даже не допускалъ) показались необыкновенно долгими. Тщетно Алабинъ и со всѣхъ сторонъ нахлынувшіе въ его квартиру старыя пріятели старались увлечь Елецкаго въ водоворотъ петербургскихъ удовольствій, онъ отъ всего отказался, сѣздилъ только къ портному заказать мундиръ гвардейскій, да побывалъ кой у кого изъ нужныхъ ему людей. Алабинъ не зналъ, что ему дѣлать съ братцемъ. Но вотъ три запретныхъ дня кончились. Елецкій проснулся рано, тщательно занялся своимъ туалетомъ и вплоть до второго часа пополудни только и дѣлалъ, что ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ видимомъ волненіи. Алабинъ еще спалъ. Онъ вернулся домой часовъ въ семь утра, что часто съ нимъ случалось. Наконецъ, Елецкій рѣшилъ, что пора ѣхать. Съренькій рысачекъ уже ждалъ у подъѣзда и мигомъ домчалъ съ Садовой въ Измайловскій полкъ.

Промзины остановились въ одномъ изъ тѣхъ новыхъ, большихъ каменныхъ домовъ, которые въ то время уже начинали воздвигаться въ Петербургѣ. Дома эти строились не такъ какъ прежде, не для себя, а для жильцовъ; строились этажа въ три, а то такъ и въ четыре, разбивались на нѣсколько квартиръ, большихъ и малыхъ. Квартиры почти всегда отдавались въ наемъ съ мебелью и со всей обстановкой. Промзины занимали просторное во всѣхъ отношеніяхъ приличное ихъ рангу помѣщеніе. Изъ деревни онѣ навезли съ собою достаточное число прислуги.

Съ сердечнымъ замираніемъ освѣдомился Елецкій у отворившаго ему двери стараго и ворчливаго деревенскаго буфетчика — дома-ли Марья Степановна. Буфетчикъ, почти-тельно поклонившись, объявилъ что дома и провель его въ гостиную, довольно пестро и безвкусно, хотя и съ претензіей на нѣкоторую роскошь, отдѣланную. Дверь во внутреннія комнаты скрипнула, отворилась и пропустила Марью Степановну.

Елецкій хотя и грубо, но совершенно вѣрно сравнилъ ее съ сороковой бочкой. Она была

тучна, грузна, ходила съ перевалкой и отдувалась, причемъ красное, совсѣмъ заплывшее лицо ея краснѣло еще больше. Несмотря на то, во всей фигурѣ Марьи Степановны сразу замѣчалось нѣчто властное и характерное; видно было, что она не изъ податливыхъ, что съ нею нужно считаться.

— Ахъ, сударь, Петръ Григорьевичъ, — начала она:— спасибо, батюшка, что заглянули... Присядьте, да и я отдохну съ вами, совсѣмъ замучилась... Людишки треклятые ни до чего своимъ умомъ дойти не могутъ, все то имъ растолкуй, покажи, всюду свой глазъ нуженъ. Легко ли, три дня маюсь, а еще многое въ безпорядкѣ.

Елецкій выразилъ свое соболѣзнованіе и спросилъ про Вѣру Андреевну.

— Да что она, — отвѣчала махнувъ рукою Марья Степановна:— за нее мать мучается, а она себѣ спитъ да наряды примѣряетъ... извѣстно — дѣло дѣвичье... баловницы, вѣдь, всѣ онѣ... Вѣрушка, поди сюда! — крикнула она въ сосѣдную комнату. Вѣра Андреевна не заставила долго ждать себя и въ то-же мгновеніе показала у дверей, разодѣтая въ

свѣжее новомодное платье, хитро причесанная въ видѣ классической богини. Хороша была она, — Елецкій въ этомъ не заблуждался, — хороша замѣчательно: высокая и стройная, темноволосая, съ большими, нѣжными и почти черными глазами. Она очень мило зарумянилась, здороваясь съ Елецкимъ и протягивая ему руку.

Но это что же? — Вслѣдъ за нею въ гостиную выплыла какая-то женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, въ огромномъ чепцѣ съ яркими лентами. Эта женщина такъ и впилась своими маленькими, быстро бѣгающими глазками въ гостя. Онъ не успѣлъ перемолвиться двумя, тремя фразами съ Вѣрой, какъ ужъ невѣдомая женщина подсѣла къ нему и заговорила на ломанномъ русскомъ языкѣ.

— А вы, господинъ молодой, здѣшній будете?

Елецкій изумленно взглянулъ на нее, а потомъ на хозяйку.

— Это Каролина Карловна, — объяснила Промзина, и больше ничего не прибавила.

Ему оставалось только отвѣчать на мно-

гочисленные и разнообразные, такъ и сыпавшіеся на него вопросы таинственной Каролины Карловны; и онъ отвѣчалъ, хотя очень неохотно. Онъ начиналъ соображать кой-что. Ему съ каждой минутой становилась все противнѣе и противнѣе эта навязчивая, картавящая женщина.

Наконецъ, судьба ему улыбнулась: Каролина Карловна стала прощаться, объявила, что непременно еще зайдетъ вечеромъ — и исчезла. Вслѣдъ за нею вызвали по хозяйству и Марью Степановну. Елецкій остался наединѣ съ Вѣрой. Онъ быстро осмотрѣлся, убѣдился, что никто ихъ не можетъ видѣть, схватилъ руку красавицы и сталъ покрывать ее поцѣлуями. Она не отнимала руки. Румянецъ то потухалъ, то еще ярче вспыхивалъ на щекахъ ея.

— Вѣра, я едва дожиль до этой минуты, я чуть съ ума не сошелъ тебя не видя... что ты со мной сдѣлала! — страстно шепталъ Елецкій.

Она ничего не говорила, только глаза ея становились нѣжнѣе и нѣжнѣе.

— Вѣра, — продолжалъ онъ:— скажи мнѣ,

что-же это у васъ такое? Я чую недоброе. Кто сія Каролина Карловна? Зачѣмъ она? Откуда?

— Она — сваха, — тихо и грустно отвѣтила Вѣра. — Какъ только пріѣхали, матушка въ тотъ-же часъ за нею послала; раза по три на день она прибѣгаетъ, и все онѣ шепчутся. А вотъ сегодня съ ранняго утра она у насъ, и видъ такой противный у нея... «Какого, говоритъ, я вамъ жениха нашла: богатый, говоритъ, знатный». Много что-то тамъ матушкѣ расписывала, я и слушать не захотѣла — ушла... Одно только и слышала, какъ матушка ей сказала, что этого человѣка давно, она для меня примѣтила, давно его знаетъ.

Вѣра замолчала. На ея глазахъ навернулись слезы и она стала еще милѣе. Елецкій поблѣднѣлъ, грудь его тяжело дышала.

— Что-же это такое ты говоришь мнѣ, Вѣра! развѣ то возможно? Или тамъ, вечеромъ, въ Твери обманула меня, насмѣялась... не любишь?!..

— Петръ Григорьевичъ, вы-то зачѣмъ еще меня мучаете? и такъ, вѣдь, тошно! Вы матушку не знаете, а я ее знаю- коли что на умѣ ей взбрело, на томъ и поставитъ... захочетъ

за кого меня выдать, такъ и спрашивать не станетъ — силою выдастъ... такъ она и съ сестрою Анютою сдѣлала... вѣкъ не забуду, какъ сестрица тогда убивалась... Я-то васъ не обманула и хоть почитай силою вы отъ меня то слово вырвали, а все-же разъ сказала, что люблю тебя, такъ это значить не въ шутку, а навѣки.

И вдругъ она сама быстрымъ движеніемъ припала на грудь его и вся трепетная шепнула ему:

— Голубчикъ, Петръ Григорьевичъ, коли любите, то времени терять нечего. Сговорится матушка съ Каролиной Карловной, пріѣдетъ женихъ, порѣшатъ — тогда поздно будетъ.

— Да, времени терять нечего, — горячо отвѣчаль Елецкій, цѣлуя ее. — Скажи одно слово, скажи, что согласна, и будемъ неразлучны, навѣки... Сегодня-же вечеромъ я увезу тебя, да такъ спрячу, что никто на свѣтѣ не сыщетъ.

Вѣра отшатнулась и взглянула на него испуганными, изумленными глазами.

— Петръ Григорьевичъ, что вы такое говорите? Какъ мнѣ понять сіи слова? неужели

вы и подлинно можете думать, что я способна, забывъ всякій стыдъ, бѣжать изъ дому. И видно совсѣмъ вы меня не любите, коли такъ говорите!.. Нѣтъ, лучше горе, лучше муки на всю жизнь, чѣмъ позоръ — да и зачѣмъ?! Просите руки моей, можетъ, она согласится... просите сегодня... сейчасъ

Елецкій хотѣлъ говорить и не могъ. Онъ только глядѣлъ на Вѣру, глядѣлъ какъ-то мрачно, такъ что ей жутко становилось отъ его взгляда.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались тяжелые шаги Марьи Степановны. Молодые люди постарались оправиться.

Елецкій просидѣлъ еще нѣсколько минутъ. Вѣра надѣялась, что онъ будетъ просить ея руки и нарочно вышла изъ комнаты. Но онъ не сказалъ ни слова объ этомъ Марья Степановнѣ и, совсѣмъ растерянный, уѣхалъ.

Алабинъ только что проснулся. Онъ лежалъ, потягиваясь на кровати, и вспоминалъ нѣкоторыя подробности кутежа прошедшей ночи, когда къ нему въ спальню вошелъ вернувшійся отъ Промзиныхъ Елецкій. Онъ даже привскочилъ на кровати, взглянувъ въ лицо «братца», такъ оно было блѣдно и разстроено.

— Что съ тобою? ты на себя не похожъ. Говори сейчасъ все безъ утайки! — крикнулъ онъ. — Ужели это тульская невѣста такъ тебя разогорчила, стыдись, право!

Елецкій остановился передъ нимъ и началъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Говорю тебѣ еще разъ, смѣшки и шутки теперь не у мѣста. А коли точно ты другъ мнѣ, то слушай... Полюбилась мнѣ Вѣра какъ никто еще доселѣ, и съ тѣхъ поръ я самъ не свой, не успокоюсь, пока не будетъ она моею.

— Такъ что-же, все это въ порядкѣ вещей... все на тебя похоже. Да ты мнѣ одно скажи: была у васъ декларація?

— Была, еще дорогой, въ Твери.

— Чего-же лучше! Теперь, видно, за мною дѣло стало, скрасть ее нужно, такъ, что-ли? Что-же, я готовъ. Только обдумай хорошенько... Самъ ты говорилъ — родня у нихъ большая, пожалуй, наживешь еще такихъ непріятностей, что и жизни не радъ будешь. Да и знаю я тебя, сегодня пылаешь, а завтра, только добился своего, и другой предметъ въ сердцѣ у тебя поселится.

— Ну, нѣтъ, это не то, что другія, — возразилъ Елецкій. — Говорю тебѣ — люблю ее, люблю, жить безъ нея не могу... вотъ что!.. Выкрасть, увести! — на это не пойдетъ, она, я ужъ пробовалъ...

И онъ разсказалъ пріятелю въ подробностяхъ все, что было передъ тѣмъ у Промзиныхъ.

— Не глупа дѣвица, — проговорилъ Алабинъ: — такъ тебѣ и слѣдуетъ, попался бычекъ на веревочку! Да, можетъ, оно и лучше, нужно-же когда-нибудь жениться... Ну, и женись, коли такъ любишь и такъ хороша она... партія подходящая, да и приданое, я чаю, за ней дадутъ не малое, сыновей, вѣдь, ты гово-

рилъ, нѣту.

— А ужели ты думаешь, что я бы не женился, коли бы могъ? — отчаяннымъ голосомъ почти простоналъ Елецкій. — Не могу я этого... не могу!

— Почему не можешь? Тебя не разберешь, право... И люблю, и женился бы, и не могу...

— Не могу... я женатъ!

Алабинъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ, да такъ и остался нѣсколько мгновений.

— Женатъ! — наконецъ проговорилъ онъ: — да ты шутишь, что ли? Никто о семъ не знаетъ, и мнѣ ни слова... Когда? какъ? Гдѣ женатъ? Что такое?

— А ужъ почти два года, — грустнымъ голосомъ и мѣряя комнату большими шагами, началъ Елецкій. — Да, сдѣлалъ сію глупость! Поѣхалъ я въ Кіевъ по дѣлу, приглянулась мнѣ дочка того самаго стряпчаго, что дѣло мое обдѣлывалъ, приволокнулся за нею. Совсѣмъ было сманилъ ее бѣжать; хотѣлъ свезти съ собой въ деревню, а тутъ отецъ ея, сутяга, сущій аспидъ, жадный крючкотворецъ, и накрылъ насъ... Эхъ, скверная исторія! Конечно, можно было вывернуться, да глу-

пость напала, — въ чувствахъ сердца своего обманулся. И что въ ней хорошаго тогда находилъ! даже дивлюсь на себя. Обвѣнчали, братецъ, обвѣнчали, и по сіе время она въ Кіевѣ живетъ, да и не одна, а съ мальчишкой, въ твою честь и Андреемъ его назвалъ... Только такъ она мнѣ опостылѣла, что и подумать о ней тошно, а ужъ теперь, какъ узналъ да полюбилъ Вѣру... Эхъ, ну, что тутъ дѣлать... ну говори... посовѣтуй!.. а у меня самого мысли совсѣмъ спутались...

— Что же тутъ совѣтовать! одинъ мой тебѣ згадъ — забудь ты, забудь дѣвицу Промзину, будто и не зналъ ее никогда, а я тебѣ нынѣшнимъ-же вечеромъ такую красотку покажу, какой ты и отродясь не видывалъ.

— Глупый человекъ! пойми ты, что я не могу жить безъ нея, — горячо перебилъ его Елецкій. — Или она, или пулю въ лобъ!

— Ну, ну, поди! чай тоже самое и про супругу передъ вѣнцомъ сказывалъ.

— Нѣтъ, эта не таковская...

Алабинъ задумался.

Вдругъ плутовская улыбка мелькнула на лицѣ его.

— А въ такомъ разѣ что-же!.. братца выручать надо... и выручимъ, славную штуку я придумалъ!

VI

Узнавъ, въ чемъ состояла штука, придуманная «братцемъ», Елецкій значительно успокоился. Охваченный припадкомъ страсти, съ которою онъ никогда не умѣлъ, да и не видѣлъ до сихъ поръ необходимости бороться, онъ еще минуту тому назадъ считалъ положеніе свое безвыходнымъ — и вдругъ находчивость лихого пріятеля дала ему надежду на достиженіе цѣли, представлявшейся черезчуръ заманчивой. Онъ даже и думать не хотѣлъ о томъ, что все-же остается еще много препятствій, — все это преодолѣть можно: лазейка найдена, а съ остальнымъ такъ или иначе онъ справится.

Въ этотъ день, конечно, невозможно было возвратиться къ Промзинымъ, но на слѣдующее-же утро онъ поѣхалъ къ нимъ.

Алабинъ, провожая его, говорилъ:

— Смотри, самъ не подгадь дѣла. Коли все не рѣшится сегодня, коли затянешь, да возбудишь подозрѣніе въ Вѣрѣ, тогда что мы подѣлаемъ?!

— Не бойся, — отвѣчалъ Елецкій: —

заранѣе толковать нечего, тамъ видно будетъ...

Но онъ, конечно, и не воображалъ, что ему удастся такъ легко уладить дѣло, какъ это случилось — ему все на этотъ разъ благопріятствовало. Онъ засталъ старуху Промзину въ гостиной и сразу по лицу ея убѣдился, что за время его отсутствія произошло что-то особенное.

Ему недолго пришлось ждать разгадки. Промзина встрѣтила его довольно вѣжливо, носъ видимой холодностью. Она, конечно, не могла не замѣтить впечатлѣнія, произведеннаго на него Вѣрой; но совсѣмъ не хотѣла смотрѣть на него какъ на жениха. Она ѣхала изъ деревни въ Петербургъ уже съ опредѣленнымъ и окончательно принятымъ намѣреніемъ.

Заранѣе, черезъ посредство своей родственницы, а также давно знакомой ей свахи Королины Карловны, она высмотрѣла настоящаго жениха для дочки и именно такого, какой ей былъ нуженъ. Елецкій-же былъ для нея полезнымъ и даже необходимымъ попутчикомъ, и только. Она его не опасалась,

несмотря на его молодость и красивую наружность, такъ какъ твердо была увѣрена, что на глазахъ у нея ничего не можетъ случиться, и что Вѣра изъ повиновенія не выйдетъ.

Однако, хотя всю дорогу она очень зорко наблюдала и за Елецкимъ, и за Вѣрой, но расчеты ея, какъ и всегда почти бываетъ въ такихъ случаяхъ, оказались ненадежными: она утомлялась и засыпала, а молодые люди не дремали.

По прїѣздѣ въ Петербургъ она не стала откладывать своего дѣла въ долгій ящикъ. Женихъ, человекъ уже не молодой, но въ чинахъ, со связями и достаточнымъ состояніемъ, былъ заранѣе предупрежденъ. Онъ видѣлъ Вѣру года три тому назадъ, проѣздомъ черезъ Тульскую губернію, и тогда еще плѣнился ея красотою. Узнавъ отъ Каролины Карловны, что Промзины прїѣхали, онъ поспѣшилъ къ нимъ явиться.

Это было наканунѣ, послѣ визита Елецкаго. И солидный женихъ, и опытная и практическая мать въ два часа времени все порѣшили между собою. Вѣра, по настоятель-

ному требованію Марьи Степановны, вышла къ гостю, а черезъ нѣсколько минутъ, несмотря на грозныя взгляды матери, убѣжала въ спальню и заперлась тамъ.

Но больше ничего и не требовалось, женихъ увидѣлъ невѣсту, убѣдился, что она не только не подурнѣла, но, напротивъ, значительно даже похорошѣла въ эти три года. О томъ-же впечатлѣніи, какое онъ самъ произвелъ на нее, никто, конечно, не думалъ.

Бѣдная Вѣра заливалась горькими слезами. Она уже успѣла совершенно плѣниться Елецкимъ, молодымъ, красивымъ и смѣлымъ, который съ обаятельною дерзостью вырвалъ первое признаніе и первый поцѣлуй. Немолодой и некрасивый женихъ показался ей отвратительнымъ. Она боялась матери, зная ея характеръ. Она ждала Елецкаго и въ то-же время сознавала, что все теперь потеряно, что мать за него ее не выдастъ.

Она хотѣла писать ему, но не знала съ кѣмъ отослать письмо и по какому адресу. И ждала, ждала, не спала всю ночь, плакала, а утромъ Марья Степановна объявила ей, что если пріѣдетъ Елецкій, то чтобы она къ нему

выходить не смѣла.

Елецкій пріѣхалъ. Вѣра узнала это, но не рѣшалась послушаться матери. Однако, вѣдь, ей необходимо было его видѣть. И вотъ она рѣшилась на послѣднее средство. Она сговори-лась со своей горничной, надѣла шубку, незамѣтно вышла чернымъ ходомъ изъ квар-тиры и, обойдя домъ, стала ждать выхода Елецкаго.

А между тѣмъ Марья Степановна оканчи-вала свой разговоръ съ надоѣдливымъ госте-мъ. Она положила ничего не скрывать отъ него: «авось, отъѣдетъ по добру по здорову; ну, а коли не поможетъ, то пускай самъ на се-бя пеняетъ — принимать не стану».

— А я вамъ свою радость скажу, Петръ Григорьевичъ, — послѣ первыхъ-же фразъ нача-ла она: — вѣдь, Вѣрушку-то я просватала!

Сказавъ это, она пристально-пристально стала вглядываться въ лицо его. Елецкій не поразился. Онъ ждалъ этого извѣстія, и оно даже было ему на руку; поэтому ему не пред-ставило большого затрудненія самымъ лю-безнымъ тономъ отвѣчать ей:

— Вотъ какъ! Ну, что-жъ, дѣло хорошее...

Позвольте васъ поздравить съ симъ важнымъ и радостнымъ для вашего материнскаго сердца событіемъ. А Вѣрѣ Андреевнѣ могу я принести свои поздравленія?

Промзина изумленно смотрѣла. Совсѣмъ не такого эффекта ждала она отъ своихъ словъ.

— Спасибо вамъ, батюшка, — проговорила она:— Вѣрѣ сегодня что-то нездоровится, голова что-ль тамъ, прилегла она, заснула... ну, да что-же, ничего, въ другой разъ поздравите.

Елецкій смутился, дѣло начинало портиться. По тону ея голоса и нѣсколько уже зная ея характеръ, онъ видѣлъ, что теперь, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, ничего не добьется, что Вѣру она отъ него спрятала и ни за что не покажетъ. Неужто уходить съ пустыми руками! конечно, черезъ прислугу можно будетъ ей доставить цидулку — дѣло не новое, давно знакомое; но хлопоты, проволоочки! Между тѣмъ непременно, вѣдь, ему нужно нынче-же видѣть Вѣру. Какъ-же тутъ быть? Спорить со старухой нечего и думать!..

Онъ пробоваль было остаться, надѣясь, что Вѣра какъ-нибудь найдетъ возможность вый-

ти въ гостиную. Но Промзина не церемонилась и прямо объявила ему, что хотѣла бы оставить его обѣдать, да нынче-де у нея хлопотъ по горло и она надѣется, что онъ на сей разъ извинить ее.

Едва скрывая свое раздраженіе, Елецкій всталъ и простился. Онъ вышелъ на улицу и раздумывалъ, что бы такое теперь предпринять, какъ вдругъ передъ нимъ очутилась Вѣра.

— Радость моя! ты ли?! о, да какая-же ты умница! — чуть было громко не крикнулъ онъ.

— Скорѣе, времени нѣтъ, я заперла мою комнату... будетъ стучаться... подумаетъ, что сплю; но я должна спѣшить... Ну что, что она тебѣ говорила?.. — почти задыхаясь, шептала Вѣра.

— Да что?!.. — съ хорошо сыграннымъ отчаяніемъ проговорилъ онъ. — Я пріѣхалъ просить руки твоей, но не успѣлъ и заикнуться о семъ, какъ твоя мать объявила мнѣ о твоей помолвкѣ... Вѣра!.. неужто все кончено?.. ужели я долженъ разстаться съ тобою на вѣки?..

— Что-же дѣлать!?! — едва сдерживая рыданія, проговорила она.

— Бѣжимъ, теперь-же... сію минуту...

Она пошатнулась, она чуть не упала и схватила себя за голову.

— Нѣтъ, никогда... лучше смерть...

— Никогда!.. Вѣра, одумайся!.. ты и себя, и меня губишь. Не на позоръ я зову тебя! ты знаешь, что мать твоя непреклонна... бѣжимъ, и если не сейчасъ, такъ нынче же вечеромъ... я все приготовлю. Мы обвѣнчаемся здѣсь, въ Петербургѣ, а потомъ, этою-же ночью, будемъ уже далеко...

Вѣра схватила его за руку; быстро освѣтилось лицо ея новымъ выраженіемъ и въ выраженіи этомъ уже не было прежняго ужаса, горя и муки.

— Правду ли говоришь ты? можешь-ли поклясться, что меня не обманешь? что нынче-же мы будемъ обвѣнчаны?

— Такъ ты, значитъ, считаешь меня обманщикомъ, не вѣришь?!.

— Нѣтъ, вѣрю, вѣрю! Ахъ, что-же мнѣ дѣлать?.. я не виновата... за что она хочетъ погубить меня... Милый, я согласна!

Радостно взглянула она на Елецкаго. Въ этомъ порывѣ довѣрчивой любви Вѣра была прелестна.

— Ровно въ десять часовъ я буду ждать тебя здѣсь, у этого угла, все будетъ готово, не обмани же...

Она кивнула ему головой, еще разъ взглянула, улыбаясь сквозь слезы, и быстро исчезла въ воротахъ дома.

Ея предположеніе оправдалось. Марья Степановна, въ своей близорукой самоувѣренности, ничего не подозрѣвала. Убѣдившись, что дверь въ спальню дочери заперта и что Вѣра не подаетъ голоса, она ушла на другую половину квартиры.

«Всю ночь и все утро ревѣла, видно, заснула; ну, и пускай спитъ, успокоится... Эхъ, глупость-то дѣвичья! потомъ сама же спасибо скажетъ, знаю же, вѣдь, я, что дѣлаю», подумала, какъ и всегда довольная собою, Марья Степановна.

Довѣренная горничная поджидала Вѣру — все шло благополучно.

VII

Если-бы Марья Степановна была наблюдательнѣе, да не была на этотъ разъ такъ поглощена всякими хозяйственными заботами и соображеніями, она, конечно, замѣтила бы то странное состояніе, въ которомъ находилась Вѣра. Не отчаяніе то было, не горе, а волненіе и безпокойство. Вѣра не знала, куда дѣваться, металась изъ комнаты въ комнату, поминутно подходила къ часамъ; лицо ея то блѣднѣло, то краснѣло, глаза очень часто останавливались на матери не то съ упрекомъ, не то съ мольбою.

Наконецъ, она не вытерпѣла, у нея мелькнула слабая надежда, что можетъ быть мать сжалятся надъ нею, не принудить рѣшиться на крайній шагъ, казавшійся ей страшнымъ и въ то-же время неизбѣжнымъ. Она кинулась на шею Марьѣ Степановнѣ и залилась слезами.

— Матушка, пожалѣй меня — проговорила она прерывающимся, молящимъ голосомъ: — не выдавай замужъ... женихъ мнѣ не по сердцу... я не могу... не хочу его... да и зачѣмъ ты

спѣшишь такъ? Вѣдь, какъ ѣхали сюда, говорила, что ѣдемъ веселиться, людей увидимъ, всю зиму проживемъ... Зачѣмъ-же такъ, сейчасъ же... едва пріѣхали?... Матушка, пожалѣй меня... вѣдь, я самая несчастная за нимъ буду, коли мнѣ противенъ... Пожди, обживемся, знакомства сдѣлаемъ... можетъ кто и тебѣ по нраву придется... найдешь лучшаго, матушка!..

Марья Степановна оттолкнула дочь и грозно на нее взглянула.

— Ахъ, ты глупая, глупая, — качала она головою:— вѣдь, ужъ не подростокъ, двадцать лѣтъ скоро, можно было-бы быть поумнѣе... Отъ добра добра не ищутъ, и, видно, знаю я, что дѣлаю. Лучше этого жениха вѣкъ будемъ искать, не найдемъ. А что-же, мнѣ тебя въ перестаркахъ оставлять, что ли? О противности его ты мнѣ и не говори лучше, это все пустое, вы дѣвки глупыя, особливо если засидитесь, въ мечтаніяхъ себѣ и ни вѣсть что представляете. Лыцарей вамъ да героевъ подавай, а такихъ вотъ, вишь ты, и на свѣтъ-то нѣту! Да и всѣ-то ваши лыцари, вонъ что въ епанчахъ да въ красныхъ камзолахъ по улицамъ какъ

угорѣлые мчатся, народъ давятъ, всѣ, вѣдь, мошенники они, безбожники, альбо въ долгахъ сидятъ по уши. Такъ за такимъ ты счастливѣе, что-ли, будешь? Нѣтъ, мать моя, лучше помолчи; не твоего ума это дѣло, меня не переспоришь, только сердце вскипятишь мнѣ. Коли я что говорю, такъ тому и быть значить, и вотъ тебѣ мой згадъ — не ревѣть, не запираяться, отъ жениха не отвертываться, не доводить меня, тебѣ-же, вѣдь, хуже будетъ...

Вѣра отерла свои слезы, сѣла въ креслице у окошка и долго такъ сидѣла, будто каменная, смотря въ одну точку и ничего передъ собою не видя.

«Нѣтъ, суждено!» думала она: «не погибать-же мнѣ на всю жизнь мою, и авось Господь милостивъ, не обманетъ Петруша, не насмѣется надо мною. Онъ меня любитъ, да, любить!..»

Она сама любила его, а потому, хотъ и знала его безъ году недѣлю, не могла ему не вѣрить.

Между тѣмъ страшный часъ приближался. Вотъ и девять пробило. Марья Степановна, всю жизнь живя въ деревнѣ, привыкла ло-

житья рано, и въ половинѣ десятаго ушла къ себѣ въ спальню.

Мало-по-малу все затихло въ квартирѣ. Вѣра бросилась на колѣни передъ образами, горячо помолилась, накинула на себя шубку и неслышно проскользнула въ корридоръ, а потомъ и въ сѣни, къ выходной парадной двери. Въ двухъ шагахъ отъ нея на ларѣ сидѣлъ буфетчикъ. Онъ еще не ложился, но, видно, присѣлъ тутъ, да и задремалъ. Она слышала его мѣрное дыханіе. Маленькая лампа освѣщала сѣни.

«Что, если онъ проснется, увидитъ? какъ отворить дверь? И дверь скрипнетъ, и замокъ щелкнетъ. Господи, помоги!..»

Она перекрестилась, быстро отперла дверь, захлопнула ее за собою и не оглядываясь, себя не помня, спустилась съ лѣстницы.

Еще мигъ — она на улицѣ. Морозная лунная ночь, далекій и близкій говоръ, скрипъ полозьевъ...

— Вѣра!!

Сильныя руки схватили ее. Дверца низенькой кареты на полозьяхъ захлопнулась, лошади тронули и помчались по уличнымъ

ухабамъ.

Вѣра открыла глаза. Онъ, онъ рядомъ съ нею въ тѣсной каретѣ — все кончено! Радость и тоска въ одно и то-же время охватили ее, она заплакала. Онъ цѣловаль ея руки, заглядываль въ полутьмѣ въ глаза ея. Его успокаивающій нѣжный голосъ шепталъ ей:

— Не плачь, моя золотая, зачѣмъ слезы... я не хочу ихъ, я беру тебя на радость, а не на горе...

— Но куда мы ѣдемъ? ты обѣщаль мнѣ, что тотчасъ-же обвѣнчаемся, въ какой-же церкви?

— Въ церкви?! Неужели ты не знаешь, что это невозможно? или хочешь ты, чтобы насъ накрыли, чтобы не дали убѣжать намъ. Можетъ, тебя ужъ хватились. Я упробилъ знакомаго попа вѣнчать насъ дома. Онъ ужъ ждетъ...

— Какъ дома?!- съ прежнимъ страхомъ переспросила она. — Развѣ на дому бывають свадьбы? Я того никогда не слыхала.

— Можетъ, и не слыхала, можетъ, въ Туль и не бывало такихъ вѣнчаній, — спокойно отвѣчаль онъ:- но здѣсь у насъ зачастую на

дому вънецъ бываетъ, когда нужно, чтобы все было тайно.

Она замолчала. Его спокойный, увѣренный голосъ на нее подѣйствовалъ.

VIII

Наконецъ, карета остановилась. Елецкій, крѣпко держа Вѣру за руку, провелъ ее въ квартиру Алабина. Она вся дрожала, но молча и покорно слѣдовала за своимъ путеводителемъ. Ефимъ отворилъ двери и на вопросъ Елецкаго, все ли готово, съ почтительнымъ поклономъ, обращеннымъ къ Вѣрѣ, отвѣтилъ, что «батюшка» давно дожидается.

Дѣйствительно, въ сосѣдней, ярко освѣщенной комнатѣ Вѣра увидѣла налой съ крестомъ и евангеліемъ. Въ сторонѣ, у стола, покрытаго длинною скатертью, на которомъ лежали восковыя свѣчи и два вѣнца, священникъ въ полномъ облаченіи внимательно читалъ какую-то книгу. При входѣ жениха и невѣсты онъ обернулся, и Вѣра увидѣла красивое лицо, обрамленное густою черною бородой. Священникъ серьезно и съ достоинствомъ поклонился, и Вѣра не замѣтила, какимъ многозначительнымъ взглядомъ онъ обмѣнялся съ Елецкимъ.

Въ это время въ комнату вошелъ Ефимъ и заперъ двери. Онъ зажегъ свѣчи, пошептался

съ священникомъ, и черезъ двѣ-три минуты началось вѣнчаніе. Ефимъ держаль вѣнцы надъ женихомъ и невѣстой. Въ своемъ волненіи Вѣра не замѣчала, что священникъ иногда путался въ молитвахъ, говорилъ совсѣмъ не то, что обыкновенно говорится при вѣнчаніи. Онъ иногда, отходя отъ наоя, подходилъ къ столу и заглядываль въ книгу, иногда же просто бралъ ее въ руки и читаль по ней. Бѣдная Вѣра усердно молилась; вѣнчальная свѣча дрожала и оплывала въ рукѣ ея. Вотъ вѣнчаніе окончено; священникъ поздравилъ новобрачныхъ. Елецкій, не смущаясь его присутствіемъ, страстно обнялъ и сталъ цѣловать Вѣру.

— Теперь мѣшкать нечего, — говорилъ онъ:— тройка уже готова, къ утру мы должны быть далеко отъ Петербурга. Вѣрушка милая, я тутъ приготовилъ тебѣ все, что нужно для дороги, только не знаю, хорошо ли, можетъ, забылъ что; осмотри сама. Потомъ мы все это уложимъ въ сундукъ и — съ Богомъ въ дорогу!

Онъ провелъ ее въ небольшую комнату рядомъ, гдѣ стоялъ открытый дорожный сун-

дукъ, а на большомъ турецкомъ диванѣ были разложены необходимыя для дороги вещи и въ томъ числѣ прекрасная соболья шуба, которая должна была замѣнить легкую шубку Вѣры. Новобрачная, какъ во снѣ, стала перебирать вещи. А Елецкій между тѣмъ вышелъ, заперъ за собою дверь и бросился на шею къ священнику.

— Спасибо, братецъ:- сказалъ онъ:- дѣло сдѣлано, я теперь счастливъ и тебѣ обязанъ симъ счастьемъ...

— Тише, тише, — перебилъ его священникъ — Алабинъ, поддерживая свою накладную бороду. — Вѣдь, едва держится! того и ждалъ, что во время вѣнчанія отвалится. Цирюльникъ проклятый мучилъ, мучилъ, а все-же путемъ наклеить не сумѣлъ... Вотъ отъ какой наипустѣйшей вещи иной разъ все зависитъ! Ну, что бы случилось, еслибы борода моя да отвалилась?.. А ты, братецъ, и взаправду счастливчикъ, — весело прибавилъ онъ:- не ждалъ я, что такую красавицу-женушку себѣ подцѣпишь. Я чуть было не забылъ свою роль, на нее залюбовавшись... Ну, съ Богомъ... я пока скроюсь... Тройка, слышишь, готова,

позвякиваетъ. Смотри же, изъ Царскаго села безпремѣнно съ Ефимомъ пришли цидулку, да не попадись какъ нибудь, а я тутъ всячески слѣды заметать стану...

— Прощай, братецъ, спасибо, во вѣкъ не забуду твоей услуги...

Пріятели еще разъ обнялись. Священникъ ушелъ въ спальню переодеваться и отклеивать бороду, а Елецкій вернулся къ Вѣрѣ. Меньше чѣмъ черезъ часъ дорожная карета, запряженная тройкою сильныхъ коней, выѣхала изъ города по царскосельской дорогѣ. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ Ефимъ, кутаясь въ тулупъ и весело ухмылясь.

«Вотъ такъ лихіе господа,» думалъ онъ: «много было у насъ дѣловъ разныхъ, а такого еще не случилось! И все-то имъ съ рукъ, сходитъ... Не токмо что людей, а и Господа Бога обманываютъ, не боятся!.. А она-то, бѣдняжка, ничего-то, ничего не примѣтила... Что-то будетъ съ нею?...»

Онъ пересталъ улыбаться и задумался.

IX

Прошло два года. Скончалась Екатерина, царствовалъ Павелъ. Петербургъ былъ неузнаваемъ. Еще такъ недавно привольная роскошная жизнь кипѣла въ немъ, общество жило въ свое удовольствіе, ничѣмъ не стѣснясь; роскошь достигала баснословныхъ размѣровъ. День начинался поздно, ночь превращалась въ день и почти до самаго разсвѣта по улицамъ было большое движеніе — разѣзжали кареты, развозя съ баловъ по домамъ нарядныхъ женщинъ, мчались на рысакахъ военные и статскіе франты.

Теперь печать тишины и какой-то запуганности легла на весь городъ.

Павелъ Петровичъ, въ своемъ гатчинскомъ уединеніи, слишкомъ долго слушалъ рассказы объ испорченности петербургскихъ нравовъ, слишкомъ накипѣло во время длинныхъ лѣтъ невольнаго бездѣйствія его горячее сердце. Съ первыхъ-же дней царствованія онъ рѣшилъ положить конецъ «всѣмъ симъ вреднымъ порядкамъ и дебошамъ».

Онъ началъ съ распущенной гвардіи и

сталъ вводить въ ней свою строгую гатчинскую дисциплину. Офицеры должны были забыть и думать о штатскомъ платьѣ, шубахъ и муфтахъ. Дорогіе, роскошные мундиры смѣнились самыми простыми. За малѣйшее послабленіе, невнимательность къ своимъ обязанностямъ, слѣдовало строгое наказаніе.

Караульные офицеры уже не расхаживали въ халатахъ за грибами, не выставляли женъ своихъ въ мундирахъ передъ солдатами. Императоръ самолично производилъ ежедневно разводъ полкамъ, и всѣ полки должны были постоянно быть наготовѣ, собираться по первому сигналу тревоги.

И не объ одномъ только войскѣ заботился Павелъ Петровичъ; заботился онъ обо всемъ обществѣ. Онъ всѣми мѣрами изгонялъ роскошь, самъ лично уговаривалъ купцовъ сбавить высокія цѣны на товары.

«Какъ я живу, такъ пусть и всѣ живутъ», говаривалъ онъ. И самъ жилъ просто и экономно. Расходы двора, огромные въ Екатеринино царствованіе, сразу значительно сократились. Всѣмъ дворцовымъ подрядчикамъ было отказано, и припасы во дворецъ поку-

пались на рынкѣ по рыночнымъ цѣнамъ. О прежнихъ роскошныхъ дворцовыхъ балахъ забыли и думать. Царское семейство вело скромную семейную жизнь.

Императоръ вставалъ ровно въ пять часовъ утра, а въ шесть у него уже начинались доклады. Изнѣженные сановники должны были поневолѣ передѣлать весь строй своей жизни, а кто не могъ этого, тотъ долженъ былъ считать свою дѣятельность оконченною.

Въ восемь часовъ утра, послѣ доклада, императора уже можно было встрѣтить на петербургскихъ улицахъ, и къ этому времени городская жизнь должна была начинаться, спать никому не приходилось.

Послѣ вечерней прогулки и чая, къ которому собиралось все царское семейство, и которой разливала императрица Марія Ѳеодоровна, государь ровно въ восемь часовъ ложился спать и вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ засыпать весь городъ. Фонари на улицахъ тушились, движеніе прекращалось; кому не хотѣлось спать и казалось неудобнымъ сидѣть впотьмахъ, тотъ долженъ былъ тщательно занавѣшивать окна, чтобы снаружи

не видно было свѣту.

Съ каждымъ днемъ слухи о паденіи то того, то другого вельможи, о ссылкахъ и высылкахъ изъ города разносились всюду и тревожили общество. Новые, еще вчера совсѣмъ ничтожные люди быстро возвышались, но иногда такъ же быстро и падали при первомъ невѣрномъ, неловкомъ шагѣ. Почти все общество, не успѣвшее еще очнуться и понять хорошенько дѣйствительность, преувеличивало свои бѣды и напасти, и смущалось, пугалось, перешептывалось и негодовало. Кто могъ, тотъ выѣзжалъ изъ Петербурга, но многіе не могли этого и только дрожали отъ страху...

Было ясное весеннее утро. Императоръ окончилъ свою прогулку и верхомъ, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ: Кутайсова, Кушелева и Аракчеева, подѣзжалъ ко дворцу. Вдругъ онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя молодую, очень красивую женщину, скромно, но прилично одѣтую и съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Она видимо хотѣла говорить что-то, но языкъ ея не слушался. Она молча опустилась на колѣни и застилавшимися отъ слезъ глазами глядѣла

на императора. Онъ осадилъ лошадь и ласково обратился къ молодой женщинѣ.

— У васъ ко мнѣ просьба? успокойтесь и говорите, я васъ слушаю.

— Государь! — произнесла она:- защитите ради моего несчастнаго ребенка... вотъ мое прошеніе!

Она поднялась, невѣрными шагами подошла къ Павлу Петровичу и протянула ему бумагу.

— Сейчасъ прочту, — сказалъ онъ:- и ежели дѣло ваше правое, то будьте безъ сумнѣнія, что найдете во мнѣ защиту. Войдите во дворецъ, я прикажу, чтобы васъ пропустили.

Онъ проѣхалъ впередъ. Молодая женщина, нѣсколько оправившись, немедленно пошла къ дворцовому подъѣзду.

Войдя въ свой кабинетъ, государь тотчасъ-же вскрылъ и началъ читать поданную ему бумагу.

Это было прошеніе дочери умершаго бригадира Вѣры Андреевны Промзиной, которая подробно и откровенно рассказывала о томъ, какъ, пользуясь ея молодостью и неопытностью, гвардіи капитанъ Елецкій соблазнилъ

ее и заставилъ бѣжать съ нимъ изъ дому; какъ онъ, будучи женатъ и имѣя отъ законной жены сына, вѣнчался съ нею на дому, приче-мъ роль священника разыгралъ его троюрод-ный братъ и также капитанъ гвардіи, Алабинъ; какъ въ теченіе болѣе года Елецкій жи-лъ съ нею у себя въ деревнѣ, въ Тамбовской губерніи, пока у нея не родилась дочь. Затѣмъ онъ ее бросилъ и скрылся, а потомъ въ дерев-ню пріѣхала его законная жена съ сыномъ, и весь обманъ обнаружился. Обѣ женщины выслѣдили обманщика, узнали, что онъ сно-ва въ Петербургѣ, на службѣ въ полку своемъ, узнали и объ участіи Алабина въ обманѣ и въ кощунственной комедіи. Старый слуга. Ала-бина, бывшій всему свидѣтелемъ, не захотѣлъ болѣе выносить беззаконій, чини-мыхъ его господиномъ, готовъ принять наказаніе за свое долгое молчаніе и во всякое время обязался подтвердить все вышеизло-женное.

Описавъ свою плачевную исторію, Вѣра Промзина обращалась къ милосердію и спра-ведливости государя, и умоляла спасти ее и ея ребенка, десятилѣтнюю дочь, отъ позора.

Государь внимательно прочелъ прошеніе и задумался.

«Вотъ до чего довели, вотъ до чего распустили!.. столь грязныя и беззаконныя дѣла творились среди бѣлаго дня и оставались безнаказанными... и они, виновники сего гнуснаго дѣла, не почитали себя преступниками... для нихъ то была забава и шутка!.. ну, такъ и съ ними пошутить надо!..»

Онъ приказалъ проводить Вѣру Промзину къ императрицѣ и самъ пошелъ туда же.

Въ семейномъ царскомъ кругу, уже собравшемся къ обѣду, который подавался ровно въ полдень, обласканная и успокоенная

Вѣра во всѣхъ подробностяхъ рассказала свою исторію и вышла изъ дворца съ твердой надеждою на лучшее будущее. Ея похудѣвшее, блѣдное и измученное лицо стало спокойнѣе. Она страстно прижимала къ груди своей тихо заснувшую дѣвочку и шептала:

«Спи спокойно, справедливый государь не дастъ тебя въ обиду злымъ людямъ и не будешь ты краснѣть за мать свою!.. Есть правда на свѣтѣ! И коли государь и государыня на-

звали меня невиновною, то, Богъ дастъ, смягчится и сердце матушки»...

Совсѣмъ неузнаваемая, будто возрожденная, вернулась Вѣра въ домъ замужней сестры своей, которая въ то время жила въ Петербургѣ и пріютила ее у себя, несмотря на проклятiя и угрозы не хотѣвшей ничего слышать и ничего соображать Марьи Степановны.

Х

Елецкій съ Алабинымъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жили снова вмѣстѣ. Елецкій, возвратясь въ Петербургъ, очень спокойно объявилъ «братцу», что Вѣра ему надоѣла и что онъ оставилъ ее съ новорожденной плаксоидѣвчонкой въ деревнѣ.

— Нѣтъ, видно не судьба мнѣ быть женатымъ человѣкомъ, — сказалъ онъ:— больше году никакая любовь во мнѣ не держится. Не даромъ видно пѣнты наименовали Амура проказникомъ, вѣчно-то онъ проказы творить надо мною... вонъ старики толкуютъ, будто съ рожденіемъ ребенка супружеская любовь утверждается, а я какъ заслышу пискъ, такъ хоть въ петлю... противно мнѣ все сіе...

— И зачѣмъ было огородъ городить.

И зачѣмъ было капусту садить?!..

— пропѣлъ Алабинъ.

— Къ чему тутъ разсужденіе! зачѣмъ да почему? «Довлѣетъ дневи злоба его», и ты, отче, по своему духовному сану, долженъ знать сіе

и поступать согласно сему...

Проговоривъ это, Елецкій засмѣялся, вслѣдъ за нимъ и Алабинъ. Разговоръ о прошломъ и о Вѣрѣ былъ конченъ; пріятели зажили развеселой жизнью.

Но съ воцареніемъ императора Павла этой жизни былъ положенъ предѣлъ. Новые порядки показали «братцамъ» жестокими и «неудобоносимыми». Присмирѣвъ и сдержавши себя мѣсяць, другой, они рѣшили, что въ столь тяжелья времена для нихъ осталось одно: выйти въ отставку, уѣхать въ деревню и постараться найти себѣ тамъ удовольствія и наслажденія нѣсколько иного рода.

Однако, пока еще отставка не была получена, они обязаны были нести службу.

На слѣдующій день послѣ разговора Вѣры съ государемъ Елецкій и Алабинъ присутствовали на разводѣ. Они на себя были не похожи въ новыхъ мундирахъ, въ огромныхъ сапогахъ и перчаткахъ, въ букляхъ и косахъ. Они грустно перемигивались съ товарищами и съ затаенной злобой и презрѣніемъ посматривали на «гатчинцевъ», надъ которыми до сихъ поръ всегда такъ подсмѣивались и кото-

рыхъ теперъ должны были слушаться, какъ опытныхъ наставниковъ.

Показался государь, окруженный свитой. Все примолкло, подтянулось, вытянулось въ струнку. Многіе читали про себя молитву, каждый боялся шевельнуться, чтобы какимъ-нибудь незначительнымъ, но неформеннымъ движеніемъ не навлечь на себя гнѣва.

Впрочемъ на этотъ разъ государь былъ, по видимому, въ хорошемъ расположеніи духа; онъ остался доволенъ и солдатами и офицерами и весело разговаривалъ съ окружающими.

Разводъ былъ оконченъ. Всѣ чувствовали, что гора свалилась съ плечъ — такой счастливый день былъ въ диковинку. Вдругъ государь, обернувшись и оглядывая всѣхъ офицеровъ, громкимъ голодомъ спросилъ:

— Капитаны Елецкій и Алабинъ здѣсь?

Произошло движеніе; у всѣхъ упало сердце. Елецкій и Алабинъ, ни живы, ни мертвы, вышли изъ рядовъ и приблизились къ государю.

— Вы? — произнесъ онъ, кивнувъ Елецкому.

Тотъ сначала не сообразилъ, но затѣмъ понялъ вопросъ и, заикаясь, назвалъ себя.

Брови императора сдвинулись, на губахъ мелькнула презрительная усмѣшка.

— Ступайте домой! — грозно сказалъ онъ и удалился.

Алабинъ и Елецкій стояли, какъ обезумѣвшіе. Но приказъ государя слѣдовало исполнить какъ можно скорѣе. Они поспѣшили домой и, едва вошли въ свою квартиру, какъ были арестованы...

На слѣдующій-же день стала извѣстна резолюція императора на прошеніе Вѣры Промзиной. Она гласила: «Похитителя дочери бригадира Вѣры Промзиной, капитана Елецкаго, не медля разжаловать и сослать куда будетъ указано. Вѣру Промзину, наравнѣ съ его законною женою, признавать имѣющею право на ношеніе, буде она пожелаетъ, фамиліи соблазнителя, равно какъ и дочь ея, прижитую съ онымъ, считать законною. Что-же касается до вѣнчавшаго ихъ капитана Алабина, то такъ какъ онъ имѣетъ склонность къ духовной жизни, послать его въ монастырь и постричь въ монахи».

Въ двадцатыхъ годахъ, въ Александро-Невской Лаврѣ обращалъ на себя вниманіе пожилой монахъ необыкновенно красивой наружности. Онъ отличался смиреніемъ и строгостью жизни. Къ нему стекались со всѣхъ сторонъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ, и приходившіе возвращались отъ него съ облегченнымъ сердцемъ. Нуждавшимся въ примѣрѣ онъ рассказывалъ, какъ долгое время самъ погрязалъ въ грѣхахъ и распутствѣ, какъ, насильно постриженный, былъ полонъ проклятіями и хулою и какъ, наконецъ, черезъ нѣсколько безумныхъ лѣтъ Господь очистилъ его сердце и просвѣтилъ его разумъ.

— Други мои, — говорилъ старецъ вдохновеннымъ голосомъ и радостно блестя глазами:— только здѣсь, въ этой обители, я позналъ величайшее счастье, какого ни на мгновение не испыталъ въ моей свѣтской, грѣховной жизни. Велико милосердіе Божіе, коли мнѣ, презрѣннѣйшему изъ грѣшниковъ, Онъ далъ вкусить сіе счастье!..

Этотъ «святой старецъ», какъ его всѣ называли, былъ Алабинъ.

1880 г.

Примечания

Знаменитый въ то время цѣлитель-самоучка. О его чудодѣйственномъ леченіи всевозможныхъ болѣзней сохранилось много устныхъ и письменныхъ разсказовъ. Теперь единственное, что напоминаетъ о немъ это настойка, приготовляемая по его рецепту и носящая его имя.

[^^^]